

ДЫХАНИЕ СТЕПИ

18+

Яна Норт

Дыхание степи

<https://litres.ru/74243547>

SelfPub; 2026

Аннотация

Древняя Русь.

На пороге великих потрясений судьба сводит русскую девушку Младу и степного воина-татарина Ногаю — и между ними вопреки вражде и страху рождается чувство, способное удержать мир на краю пропасти. Пока степь дышит войной, Млада и Ногай изо дня в день сражаются за самое дорогое: за дом, за младшую сестру, за право остаться человеком среди хаоса.

Масштабные битвы, где сталь встречается с водой, а ярость — с упорством, сменяются тихими, пронзительными сценами домашнего уюта, в которых решается не меньше, чем на поле боя. Ногаю предстоит мучительный выбор: остаться верным долгу и при этом не потерять себя, а Младе — понять, что настоящая сила рождается не из гнева, а из умения беречь то, что любишь.

Эта история о том, как среди пепла и крови можно сохранить тепло человеческих рук и как даже в самой тёмной ночи находятся звёзды, на свет которых стоит идти.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Яна Норт

Дыхание степи

Глава 1

Рассвет над рекой был цвета остывшего пепла. Он ложился на воду тонкой дымкой, будто сама земля не хотела просыпаться, зная, какой день ей предстоит.

Млада присела на корточки у самой кромки, опустила ладонь в ледяную воду и задержала дыхание — так, как учила бабушка: пока сердце не сделает три удара, а мир не станет чуть тише. Роса цеплялась за подол, пробиралась сквозь ткань, холодила кожу, но Млада не вздрагивала. Холод она умела терпеть. Он не пугал её — он был честнее тепла. Природа окутывала и берегла ее как родная мать девятнадцать лет.

В корзине лежали травы: зверобой для отваров, мята, чтобы унять тревогу, и горькая полынь — от дурного глаза. Бабушка говорила, что полынь помнит все беды, какие только случались на этой земле, и потому умеет их отгонять. Млада верила не столько в силу травы, сколько в то, что бабушка верила. Этого хватало.

Она выпрямилась, потянулась, чувствуя, как тянет спину после вчерашнего — дед Ратибор велел перебрать всю про-

шлогодную солому в сарае, «чтобы руки помнили труд, а голова не витала в облаках». Облака витали. Но руки помнили.

И тут она услышала.

Не плеск воды, не крик птицы, а что-то другое — тяжёлое, ровное, будто само утро вдруг стало тяжелее. Копыта. Много копыт.

Млада метнулась к кустам, прижалась спиной к стволу старой ивы и замерла, сливаясь с тенью. Сердце колотилось где-то в горле, мешая дышать, но она заставляла себя смотреть.

Из тумана, словно из самой мглы, выплыли всадники. Их было не меньше десятка, а может, и больше — в сером свете не разобрать. Плащи из войлока, кожаные нагрудники, изогнутые сабли у бёдер. И впереди — один, чуть впереди остальных, будто степь сама расступалась перед ним.

Он не кричал, не подгонял коня, не оглядывался по сторонам с хищным блеском в глазах, как Младе всегда представлялись враги. Он просто ехал. Спокойно, уверенно, будто знал: ему здесь бояться нечего.

Конь остановился у воды, наклонил голову, и всадник наконец поднял взгляд. Прямо туда, где пряталась Млада.

На секунду ей показалось, что он её не видит. А потом поняла: видит. Просто не выдаёт. Он чуть наклонил голову — не как враг, не как охотник, а как человек, который заметил что-то важное и не хочет спугнуть.

Млада сжала в кулаке полынь. Горький запах ударил в нос,

резкий, отрезвляющий. Она сделала шаг из тени. Потом ещё один.

— Не подходи, — тихо, но твёрдо сказал он по-русски. Голос был низким, чуть хриплым, будто привык отдавать приказы, но сейчас старался звучать мягче. — Здесь не место для девушки.

— А для кого место? — вырвалось у неё прежде, чем она успела прикусить язык. — Для тех, кто приходит с саблями?

Он не улыбнулся. Но в его глазах мелькнуло что-то похожее на уважение. Или усталость.

— Для тех, кто остаётся жив.

Млада крепче сжала полынь, чувствуя, как сухие стебли впиваются в кожу.

— Я остаюсь жива не потому, что прячусь. А потому, что знаю эту землю.

Он посмотрел на неё долго, так, будто пытался прочесть не слова, а всё, что стояло за ними: дом, деда, ночные шёпоты у очага, страх, который она прятала за дерзостью.

Потом он спешился, подошёл к воде, зачерпнул ладонью и сделал глоток.

— Меня зовут Ногай, — сказал он, не глядя на неё, будто это не знакомство, а просто факт, который должен быть произнесён. — И если ты знаешь эту землю, скажи мне: где здесь брод, который не видят чужие?

Млада замерла. Это был не вопрос. Это было испытание. Она могла солгать. Могла указать на глубокое место, где

конь уйдёт под воду, а всадник — в вечность. Могла закричать, позвать деда, поднять тревогу.

Но вместо этого она шагнула ближе, встала рядом с ним у воды и сказала:

— Брод там, где ива склонилась к воде. Её корни держат дно. Но идти надо не по прямой, а наискось, иначе течение снесёт.

Ногай наконец посмотрел на неё прямо. В его взгляде не было ни благодарности, ни подозрения — только холодная, собранная внимательность человека, который привык взвешивать каждое слово. За все свои прожитые двадцать пять лет жизни он впервые видел такой взгляд у девушки.

— Ты ведёшь себя не как пленница.

— Я пока и не пленница, — ответила Млада, чуть вздёрнув подбородок. — А если станете брать — я покажу вам не брод, а болото, из которого не выбраться.

Уголок его губ дрогнул. Почти улыбка. Почти.

— Мне не нужны мёртвые проводники. Мне нужен тот, кто выведет живыми.

Млада помолчала, глядя, как рассвет наконец прорывает-ся сквозь туман и золотит воду.

— Тогда не делайте меня врагом.

Ногай кивнул, будто принял не её условие, а саму эту правду — простую, колючую, как полынь у неё в руке.

— Хорошо. Не буду.

Солнце поднялось выше, и туман над рекой растаял, будто

его и не было — только мокрые травы да тяжёлые капли на листьях напоминали о нём. Млада всё ещё держала в руке полынь, но теперь стебли уже не кололи ладонь: она разжала пальцы, и горькая трава упала в мокрую траву, слившись с землёй.

Ногай стоял у воды, не торопясь садиться в седло. Он стянул с себя войлочную накидку, тяжёлую от утренней сырости, перекинул её через луку седла, и Млада впервые увидела его целиком, без дымки и страха.

На нём была стёганая куртка из плотной ткани, простроченная частыми стежками — от холода и от стрелы. Поверх неё — кожаный нагрудник с медными заклёпками, потёртый на боках, будто не раз тёрся о седло и о край щита. На поясе висел кривой клинок в простых ножнах, а на запястье — тонкий кожаный ремешок с узелками: степной обычай, говорили, такие вяжут, чтобы не забыть важное. Млада не знала, что именно Ногай старался не забыть, но ей вдруг захотелось верить, что среди этих узелков есть место и для сегодняшнего утра.

Он заметил её взгляд и чуть нахмурился, будто стыдился этой маленькой слабости.

— Это от матери, — коротко сказал он, не глядя на неё, и провёл пальцем по одному из узелков, словно проверяя, на месте ли. — Она говорила: если пальцы помнят узор, сердце не забудет дорогу домой.

Млада кивнула, не зная, что ответить. Ей вдруг стало

неловко за свою простую рубаху с вышитым воротом, за грубые онучи и лапти, которые промокли до нитки. Но тут же она одёрнула себя: её одежда была не для красоты, а для дела. Вышивка — не украшение, а оберег, онучи плотно держали ногу, лапти не скользили на мокрой траве. В этом тоже была своя правда, и она не собиралась её прятать.

— Ты всё ещё стоишь тут, — сказал Ногай, поднимая на неё глаза. — А могла бы уже бежать к своим, поднимать крик.

Млада пожала плечами, пряча дрожь в голосе за дерзостью:

— А смысл? Если бы хотела кричать, крикнула бы, пока ты ещё в тумане был. А теперь... теперь мне просто интересно.

Он хмыкнул — не насмешливо, а будто оценил честность.

— Интересно — это хорошо. От любопытства люди реже умирают, чем от страха.

Из-за поворота реки показался один из его воинов — молодой, с острым лицом и настороженными глазами. Он что-то резко бросил Ногаю на своём языке, и тот ответил коротко, властно, так, что парень сразу опустил взгляд.

Когда воин отъехал, Ногай снова повернулся к Младе:

— Тебе надо уходить. Не здесь. Не сейчас. Уходи в лес, пока они не начали смотреть по сторонам.

Млада покачала головой:

— Я не побегу, пока не пойму, зачем ты тут. Если пришёл

жечь и рушить — скажи прямо. Если нет... тогда дай мне минуту.

Он помолчал, будто взвешивая, можно ли ей доверить даже кроху правды.

— Я пришёл не за тобой, — наконец произнёс он. — И не за твоим селом. Я пришёл за бродом, который не видят чужие. И за тем, кто его знает.

Млада усмехнулась, но в этой усмешке не было веселья:

— Значит, тебе нужна не я. Тебе нужна моя земля.

— Мне нужна жизнь, — спокойно ответил он. — Своих людей. Твоих людей. Всех, кто может не дойти до вечера.

В этот момент из леса донёсся короткий, резкий крик — птичий, но слишком громкий, слишком натянутый. Млада вздрогнула и обернулась. Это был условный зов — так дед Ратибор учил подавать знак, если чужаки близко. Значит, её уже искали.

Ногай тоже услышал. Он не дёрнулся, не схватился за клинок, только чуть наклонил голову, прислушиваясь к тишине, которая вдруг стала звенящей.

— Они идут сюда, — тихо сказала Млада, и голос её дрогнул не от страха, а от тяжести выбора. — Дед. И ещё трое. У них луки.

Ногай медленно кивнул, будто принимая не только новость, а всю эту нелепую, горькую правду: что сейчас из-за кустов выйдут люди с оружием, и ему придётся решать, как не пролить кровь.

— Тогда скажи им правду, — проговорил он, глядя ей прямо в глаза, так, что Млада почувствовала, как от этого взгляда становится и холодно, и тепло одновременно. — Скажи, что я не пришёл за войной. Скажи, что пришёл за бродом. И за тем, чтобы никто не умер сегодня.

Млада глубоко вдохнула, сжала кулаки, чувствуя, как под ногтями впиваются нитки от вышивки, и шагнула в сторону леса. Но перед этим остановилась и тихо добавила:

— Если ты солгал... я сама покажу им, куда стрелять.

Ногай не стал обещать. Он просто чуть склонил голову — не как враг, не как повелитель, а как человек, который принимает её право не верить.

— Я не стану прятаться. Пусть смотрят. Пусть видят.

И Млада пошла к лесу, чувствуя спиной его взгляд — тяжёлый, спокойный, будто степь сама держала её, не давая упасть. А впереди уже слышались шаги, хруст веток, шёпот деда Ратибора: «Млада! Где ты, дитя?»

Она вышла на опушку, подняла руку, чтобы дед увидел: она жива, она не ранена, она просто стоит между двумя мирами и не знает, какой из них сейчас важнее.

— Тут я, дед, — крикнула она, и голос прозвучал твёрже, чем она ожидала. — И тут... не враг. Тут человек, которому нужен брод. И который не хочет крови.

Ратибор вышел первым, седой, суровый, с луком в руках, и при виде Млады лицо его на секунду смягчилось, а потом снова стало каменным, когда он заметил за её спиной фигуру

Ногая.

— Кто это? — рывкнул дед, и в голосе его звенела старая боль, память о набегах, о сожжённых избах, о тех, кто не вернулся.

Млада встала перед ним, не закрывая собой Ногая, но и не отступая:

— Это Ногай. Он сотник. И он просит показать брод. Но не для того, чтобы прийти с войной. А чтобы не утонуть в чужой земле.

Когда Ногай вышел на берег, вода стекала с него ручьями, а сапоги хлюпали при каждом шаге. Он остановился в нескольких шагах от Ратибора, не приближаясь, не сокращая дистанцию, будто специально оставлял место для воздуха, для возможности не сорваться.

— Я пришёл не за войной, — сказал он спокойно, ровно, так, что слова не звенели, а ложились на землю, как тяжёлые камни. — Я пришёл за бродом. И за тем, чтобы мои люди не утонули в чужой земле.

Ратибор прищурился, будто пытался разглядеть за этими словами правду.

— Чужая земля, — прохрипел он, и в голосе его не было злости, была только старая, въевшаяся в кости усталость. — Для тебя она чужая. А для меня — родная. И я её не отдам. Ни за брод, ни за слово, ни за пустой взгляд.

Млада шагнула вперёд, встала между ними, не закрывая собой Ногая, но и не отступая.

— Дед, послушай. Он не поднял руки. Его люди стоят в лесу, но не выходят. Он мог бы схватить меня, мог бы заставить кричать, мог бы сделать так, чтобы ты бежал сюда сломя голову, а потом... потом всё пошло бы по старой дороге. Но он не стал. Он просто спросил про брод. И слушал, что я говорю.

Ратибор медленно перевёл взгляд с Ногая на внучку, и в этом взгляде было столько боли, что Младе захотелось отвести глаза, спрятаться, стать маленькой и незаметной, как в детстве, когда дед укрывал её своим плащом от дождя. Но она не отвела взгляда.

— Ты говоришь, как будто веришь ему.

— Я верю не ему, — тихо, но твёрдо сказала Млада. — Я верю тому, что сегодня ещё можно никого не убить.

Долгое, тягучее молчание повисло над берегом, и даже река будто притихла, прислушиваясь. Потом Ратибор чуть опустил лук — совсем немного, но достаточно, чтобы стало ясно: он готов слушать.

— Покажи брод, — прохрипел он, глядя не на Ногая, а на Младу, словно только ей доверял этот выбор. — Но если он соврёт хоть словом... я не посмотрю, что ты его защищала.

Млада кивнула. Она не стала обещать, что всё будет хорошо. Она знала: хорошего тут мало. Но есть шанс сделать чуть меньше плохого. А иногда этого достаточно, чтобы день не стал чёрным.

Они двинулись вдоль берега, и теперь Млада шла не впе-

реди, а рядом с дедом, чувствуя его тяжёлое, хриплое дыхание, запах кожи и дыма, который навсегда вьелся в его одежду. Ногай шёл следом, его воины — за ним, и вся эта странная цепочка людей, которые должны были быть врагами, тянулась по краю леса, как неровная строчка на старом полотне.

Тропа сузилась, и им пришлось идти друг за другом. Млада чувствовала спиной взгляд Ногая — не угрожающий, а внимательный, будто он запоминал каждый её шаг, каждую мелочь: как она поправляет волосы, как чуть морщится, когда ветка цепляется за рубаху, как машинально касается кармана, где лежал камешек.

На развилке тропа раздваивалась: одна вела к болоту, другая — к сухому перелеску. Млада остановилась, подняла руку, останавливая всех.

— Дальше я пойду одна, — сказала она твёрдо. — Покажу, где можно пройти. А вы... стойте здесь.

Ратибор нахмурился:

— Одна? Да ты что, дитя? Там могут быть...

— Там никого нет, — перебила Млада, не повышая голоса, но так, что дед замолчал. — Я знаю эти места. Если я не вернусь через десять ударов сердца — уходите. Не пытайтесь меня искать. Просто уходите.

Она не смотрела на Ногая. Боялась, что если посмотрит, то голос дрогнет. Но он всё равно шагнул вперёд и тихо, так, чтобы слышала только она, произнёс:

— Десять ударов сердца — это мало. Дай мне хотя бы знак, куда идти, если ты не вернёшься.

Млада сжала кулаки, чувствуя, как под ногтями впиваются нитки от вышивки. Потом медленно подняла глаза и сказала:

— Если не вернусь — иди по солнцу. Оно встанет над тем сухим перелеском. Там тропа выходит к роднику. А у родника... там всегда кто-нибудь есть. Кто-нибудь поможет.

Ногай чуть наклонил голову, будто принимая не только слова, а всю эту тяжесть, которую она на него взвалила.

— Хорошо. Я пойду по солнцу.

Млада кивнула и пошла вперёд, чувствуя, как с каждым шагом земля становится твёрже, а воздух — прозрачнее. Тропа вилась между корнями, ныряла в низины и снова поднималась на пригорки. Млада знала здесь каждый камень, каждую ямку, где скапливалась вода, каждую ветку, которая могла хлестнуть по лицу. Она шла быстро, но не бежала — бег пугал лес, заставлял его прятать свои секреты.

Через несколько минут она вышла на небольшую поляну, окружённую старыми берёзами. В центре поляны лежал плоский камень, поросший мхом. Млада подошла к нему, присела, провела рукой по мху, чувствуя его влажную мягкость. Под камнем был тайник — узкая щель, куда она когда-то спрятала деревянную куклу, подарок матери. Кукла давно рассыпалась, но тайник остался. Млада запустила руку в щель и достала маленький свёрток из промасленной тка-

ни. Развернула его, и на ладони у неё оказался тонкий серебряный перстень с тёмным камнем. Она не носила его — он был слишком красивым для повседневной жизни, слишком хрупким для работы. Но сегодня... сегодня он мог пригодиться.

Млада встала, спрятала перстень в рукав, поверх рукава накинула широкую ленту из грубой ткани — так, чтобы не блестел. Потом она вернулась к развилке, где её ждали.

Все стояли молча, будто боялись спугнуть тишину. Млада глубоко вдохнула и сказала:

— Тропа идёт через перелесок. Там сухо, и земля держит. Но идти надо тихо. Если услышите крик птицы — остановитесь. Это мой знак.

Ратибор кивнул, не спрашивая, откуда она знает про крик. Он знал: она выросла здесь, она слышала, как лес шепчет свои тайны.

Ногай сделал шаг вперёд и тихо спросил:

— Твой знак... он для меня тоже?

Млада чуть помедлила, потом кивнула:

— Да. Если услышишь — знай, что я здесь. Что я не ушла.

Он чуть склонил голову, и в этом жесте было столько уважения, что у Млады на секунду перехватило дыхание.

Они пошли дальше, и теперь тропа вела их через перелесок, где солнечные лучи пробивались сквозь листву и ложились на землю золотыми пятнами. Млада шла первой, показывая дорогу, и время от времени оборачивалась, чтобы убе-

диться, что все идут, что никто не отстал, что дед держится, что Ногай не споткнулся о корень.

В какой-то момент она остановилась, подняла руку, и все замерли. Из-за деревьев донёсся тихий, протяжный крик птицы — тот самый, условный. Млада прислушалась, потом чуть улыбнулась и сказала:

— Это моя сестра. Она в лесу. Следит. Если что — подаст знак.

Ногай хмыкнул, будто одобряя эту хитрость.

— Умная девочка.

Они вышли к роднику — маленькому, тихому, с водой, которая била из земли тонкой струйкой и тут же убегала в мох. Млада опустилась на колени, зачерпнула воду ладонью, поднесла к губам. Вода была ледяной, острой, будто сама земля отдавала свою силу. Она сделала несколько глотков, потом подняла глаза и увидела, как Ногай тоже наклонился к воде, как осторожно, будто боясь спугнуть, зачерпнул её и выпил. Их взгляды встретились над родником, и в этот миг всё стало проще и сложнее одновременно: они пили из одного источника, из одной земли, и это что-то значило.

— Теперь вы знаете дорогу, — тихо сказала Млада, вытирая губы рукавом. — Можете идти.

Ногай выпрямился, посмотрел на неё долго, внимательно, будто хотел запомнить каждую чёрточку её лица, каждую тень в глазах.

— Спасибо, — произнёс он просто, без пафоса, без лиш-

них слов. — За то, что не закричала. За то, что показала путь. За то, что дала шанс не стать тем, кем меня учили быть.

Млада пожала плечами, пряча смущение за привычной дерзостью:

— А ты... ты пойдёшь своей дорогой? Или... есть ещё что-то, что нужно сделать?

Ногай помолчал, потом медленно кивнул:

— Есть. Но не сегодня. Сегодня я запомню эту тропу. И то, кто её показал.

Глава 2

День в селе тянулся, будто нарочно замедляя бег, чтобы Млада успела почувствовать каждую его колючую секунду. Она вернулась домой, но дом будто стал чуть теснее, чем раньше: стены словно шептали, что она принесла с собой чужой воздух, чужой взгляд, чужую тишину.

Ратибор молча поставил перед ней миску с горячей кашей, густо сдобренной маслом и луком. Пахло родным, привычным, тем самым запахом, который с детства означал: ты дома, ты в безопасности. Но сегодня этот запах не согревал, а будто царапал изнутри, напоминая, что спокойствие — это не всегда правда, а иногда просто привычка не замечать бую.

— Ешь, — буркнул дед, усаживаясь напротив, и положил рядом ломоть чёрного хлеба, тяжёлый, плотный, как сама земля. — Каша не любит, когда её ждут. Остынет — станет горькой.

Млада послушно взяла ложку, но та звякнула о край миски слишком громко, и этот звук резанул по ушам. Она опустила глаза, чтобы не встретиться взглядом с дедом, и прошептала:

— Прости, что заставила тебя бояться.

Ратибор хмыкнул, но в этом звуке не было злости — только усталость, вьевавшаяся в кости.

— Я не боюсь, дитя. Я помню. А память — она тяжелее страха. Она не отпускает.

Млада кивнула, подцепила ложкой кашу, но есть не стала — просто держала её, чувствуя, как тепло медленно ползёт по пальцам.

В избу вошла Наста, соседка, невысокая, плотная, с руками, которые, казалось, умели всё: и тесто месить, и ребёнка качать, и рану перевязать. Она бросила быстрый взгляд на Младу, потом на Ратибора, и сразу, без предисловий, заговорила, будто боялась, что если остановится хоть на миг, слова рассыплются:

— У колодца говорят, что видели всадников у брода. Мол, прошли тихо, без криков, без стрел. Кто-то даже сказал, что они не тронули даже заячьей ловушки, что у старого пня. Ты что-нибудь знаешь, Млада?

Млада подняла глаза, стараясь, чтобы голос звучал ровно:
— Знаю только, что они ушли. И что не хотели войны. Сегодня.

Наста прищурилась, будто пыталась разглядеть за этими словами всю правду. Потом вздохнула, покачала головой и тихо сказала:

— Хорошо, если так. Но люди боятся не войны, а тишины перед ней. Тишина пугает сильнее крика.

Она подошла, положила тёплую, тяжёлую руку Младе на плечо и чуть сжала:

— Ты бледная. Иди умойся у колодца. Вода с утра помнит

солнце, она смывает лишнее. А я тут с дедом посижу, поговорю про старое да про новое.

Млада благодарно кивнула и вышла, вдыхая прохладный воздух, будто он мог выветрить из головы чужие глаза.

У колодца она долго смывала с рук лесную пыль, холодную росу и ощущение чужого взгляда. Вода стекала по запястьям, падала каплями на землю, и каждая капля будто уносила с собой кусочек тревоги. Но стоило ей закрыть глаза, как перед ними снова вставал Ногай: как он наклоняется к воде, как держит ветвь, как смотрит на неё — не как на добычу, не как на врага, а как на человека, который знает дорогу.

Рядом скрипнула калитка, и из-за угла выскользнула Лиска, младшая сестра Млады — тонкая, как тростинка, с глазами, в которых вечно плясали озорные искры. Она подбежала, схватила Младу за руку и зашептала, будто боялась, что кто-то подслушает:

— Говорят, ты с чужаком говорила! Прямо у реки! А он такой... такой... будто из ветра соткан! Высокий, глаза тёмные, и конь у него чёрный, как ночь! Ты правда его видела? Расскажи!

Млада улыбнулась, и эта улыбка вышла настоящей, не натянутой:

— Видела. И он не из ветра. Он из плоти и крови, как все. Просто... просто он умел молчать так, что лес его слушал.

Лиска надула губы, будто ей хотелось услышать про стре-

лы и крики, а не про молчание.

— Скучно. Я думала, будет битва. Или он тебя похитит и унесёт в степь!

Млада тихо рассмеялась, но смех тут же оборвался, потому что в груди вдруг кольнуло: а что, если бы он и правда унёс? Что, если бы она не вернулась?

— Степь большая, — тихо сказала она, глядя куда-то вдаль, туда, где небо сливалось с землёй. — И в ней тоже живут люди. Не такие, как мы, но люди.

Лиска нахмурилась, пытаясь понять эту странную, неудобную правду, потом пожала плечами:

— Ладно. Но если он снова придёт, ты мне скажи. Я хочу посмотреть на него. Только из-за куста, чтобы он не заметил.

Млада снова улыбнулась, на этот раз чуть теплее:

— Скажу. Если придёт.

Остаток дня Млада провела за привычными делами, которые теперь казались ей странно чужими, будто она училась ими заниматься заново. Она перебирала сушёные травы, раскладывая их по мешочкам, и пальцы сами находили знакомые стебли: мяту, зверобой, ромашку. Но когда она добралась до полыни, рука замерла. Горькая трава лежала в ладони, сухая, ломкая, и Млада вдруг вспомнила, как сжала её утром, как запах ударил в нос, отрезвляя. Теперь полынь не пахла защитой — она пахла тем утром у реки.

Потом она помогала Насте месить тесто для хлеба. Мука липла к рукам, пахла зерном и солнцем, и Наста учила её:

— Меси не руками, а сердцем. Тесто чувствует, когда ты торопишься или боишься. Оно становится жёстким, как камень. А если ты спокойна, оно дышит.

Млада старалась быть спокойной, но тесто не слушалось: оно было неподатливым, упрямым, будто знало, что в её голове крутятся чужие глаза и тихий голос, который говорил: «Здесь ночами холодно».

К вечеру село укуталось в сумерки, синие, прохладные, будто небо накинуло на крыши тонкий плащ. Млада сидела на крыльце, завернувшись в шерстяной платок, и смотрела, как гаснут последние отблески дня. Дед Ратибор вышел, сел рядом, не говоря ни слова, и они сидели так, слушая, как затихает день: как умолкают птицы, как ветер шепчет что-то в траве, как где-то далеко лает собака.

— Не спится? — наконец тихо спросил Ратибор.

Млада покачала головой:

— Нет. Просто... мне кажется, что я оставила часть себя там, у брода. И не знаю, вернётся ли она.

Ратибор помолчал, потом тяжело вздохнул:

— Иногда часть себя приходится оставлять, чтобы другая часть могла жить. Это не предательство. Это плата за то, что ты не сломалась.

Млада опустила голову, чувствуя, как от этих простых слов становится и легче, и тяжелее одновременно.

Когда она легла спать, сон не шёл. Он кружил где-то рядом, но не садился, как осторожная птица. А потом всё же

накрыл её тёмным крылом, и ей приснился Ногай.

Он стоял на границе степи и леса, и ветер трепал его плащ, будто пытался унести его прочь, но он стоял неподвижно, как скала. Он не звал её, не махал рукой, просто стоял и смотрел. А потом протянул ладонь, и в ней лежал тот самый камешек, гладкий, с тёмной прожилкой. «Возьми, — сказал он во сне, и голос его звучал так ясно, будто он стоял рядом. — Он помнит дорогу».

Млада проснулась резко, будто кто-то толкнул её в плечо. Сердце колотилось, а в горле стоял ком. Она села, обхватив колени руками, и долго смотрела в темноту, пока глаза не привыкли. Потом она осторожно сунула руку в карман рубахи, где лежал камешек, и сжала его в кулаке. Холодный, твёрдый, он был настоящим. И от этого становилось и страшнее, и спокойнее: значит, утро у реки не было сном.

А в это время далеко, на краю степи, где трава становилась ниже, а небо — бесконечно высоким, Ногай сидел у костра, который почти не давал света, только тепло. Вокруг спали его воины, завернувшись в плащи, и степь шептала что-то своё, древнее, на языке, который Ногай знал с детства, но сегодня не хотел слышать.

Он держал в руках тот самый кожаный ремешок с узелками, который когда-то связала мать, и перебирал пальцами каждый узелок, будто по ним можно было прочесть судьбу. В голове крутились слова Млады: «Не делайте меня врагом». Они звенели, как натянутая струна, и не давали покоя.

К нему подошёл молодой воин, тот самый, который утром смотрел на Младу насторожённо, будто она могла в любой момент исчезнуть в траве. Он присел рядом, протянул Ногаю лепёшку, простую, без соли, и тихо сказал:

— Сегодня мы не пролили кровь. Это хороший день.

Ногай кивнул, но не почувствовал радости.

— Хороший день — это когда не приходится выбирать между долгом и совестью. А сегодня мне пришлось.

Воин помолчал, потом пожал плечами:

— Может, совесть и есть наш главный долг. Так говорил мой отец.

Ногай чуть улыбнулся, но улыбка вышла горькой:

— Твой отец был мудрее многих ханов.

Они посидели в тишине, слушая, как потрескивают угли и как где-то далеко воет волк. Потом Ногай тихо спросил:

— Ты помнишь девушку у реки? Ту, что показала брод?

Воин кивнул:

— Помню. Она не дрожала. Даже когда мы были рядом.

— Да, — прошептал Ногай, глядя в огонь, будто в нём можно было увидеть её лицо. — Она не дрожала. Она стояла между нами и своим народом и не отступила.

Он помолчал, потом добавил, так тихо, что слова почти растворились в ночном воздухе:

— Я должен был её забыть. Сразу. Как забывают всё, что мешает идти вперёд. Но я не могу. Её взгляд был настолько чистым, будто я заглянул в глаза новорожденному. А темные

волосы, развивающиеся возле лица навсегда останутся в моей памяти.

Воин не стал говорить пустых слов утешения. Он просто положил руку на плечо Ногаю, чуть сжал, как делают братья, когда знают, что никакие слова не помогут, и сказал:

— Тогда пусть она будет той дорогой, которую ты не забудешь. Даже если по ней нельзя идти.

Ногай закрыл глаза, чувствуя, как степной ветер холодит лицо, а внутри разливается странное, колющее тепло. Он достал из-за пазухи маленький плоский камешек — тот самый, что когда-то нашёл у родника в детстве и всегда носил с собой, как напоминание о доме. Теперь он положил рядом с ним тот камешек, который хотел дать Младе, но она взяла другой. Два камешка лежали рядом: один — из его прошлого, другой — из сегодняшнего дня.

«Мы пили из одного родника, — подумал Ногай, и эта мысль вдруг стала для него важнее любых приказов и клятв. — Мы пили из одной земли. И это что-то значит».

Он завернулся в плащ, лёг у костра и долго смотрел на звёзды, которые висели над степью, как холодные огни. И перед тем, как уснуть, он прошептал в темноту, будто кто-то мог его услышать:

— Спасибо, что не закричала.

И степь, огромная, равнодушная и мудрая, приняла его слова и унесла их ветром — туда, где в далёкой деревне девушка сжимала в кулаке гладкий камешек и пыталась по-

нять, как жить дальше, когда в сердце поселилось что-то новое, чужое и родное одновременно.

Утро выдалось серым, будто небо умылось дождём и теперь не знало, плакать ему дальше или наконец проглянет солнце. Млада возилась у печи, подбрасывала в топку сухие поленья, слушала, как они потрескивают, и пыталась убедить себя, что этот звук — самый важный в мире. Рядом Лиска крутилась, как юла, то подносила пучок соломы, то пыталась ухватить горячий ковш, за что тут же получала тихий, но твёрдый окрик деда:

— Не лезь под руку, мелкая. Тут не игра, тут дело.

Лиска обиженно надувала губы, но тут же снова улыбалась, потому что не умела долго сердиться.

— А если опять всадники придут, дед, я не буду прятаться! Я буду смотреть! Из-за куста!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.